

Петр Алешкин

Моя тропинка

О писателях, о литературе, о кино,
о молодежи, о мифах и о себе

Петр Алешкин

**Моя тропинка. О писателях,
о литературе, о кино, о
молодежи, о мифах и о себе**

«Издательские решения»

Алешкин П.

Моя тропинка. О писателях, о литературе, о кино, о молодежи, о мифах и о себе / П. Алешкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834533-3

В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты с неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием — поток действия. В книгу включены документальная повесть «Мой Леонид Леонов» — о многочисленных встречах автора с великим писателем — и статьи и воспоминания о других классиках русской литературы, с которыми сводила автора его активная жизнь, о литературе, о кино, о молодежи, о мифах и о себе.

ISBN 978-5-44-834533-3

© Алешкин П.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия. Моя тропинка	6
О писателях	17
Мой Леонид Леонов	17
1. Знакомство	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

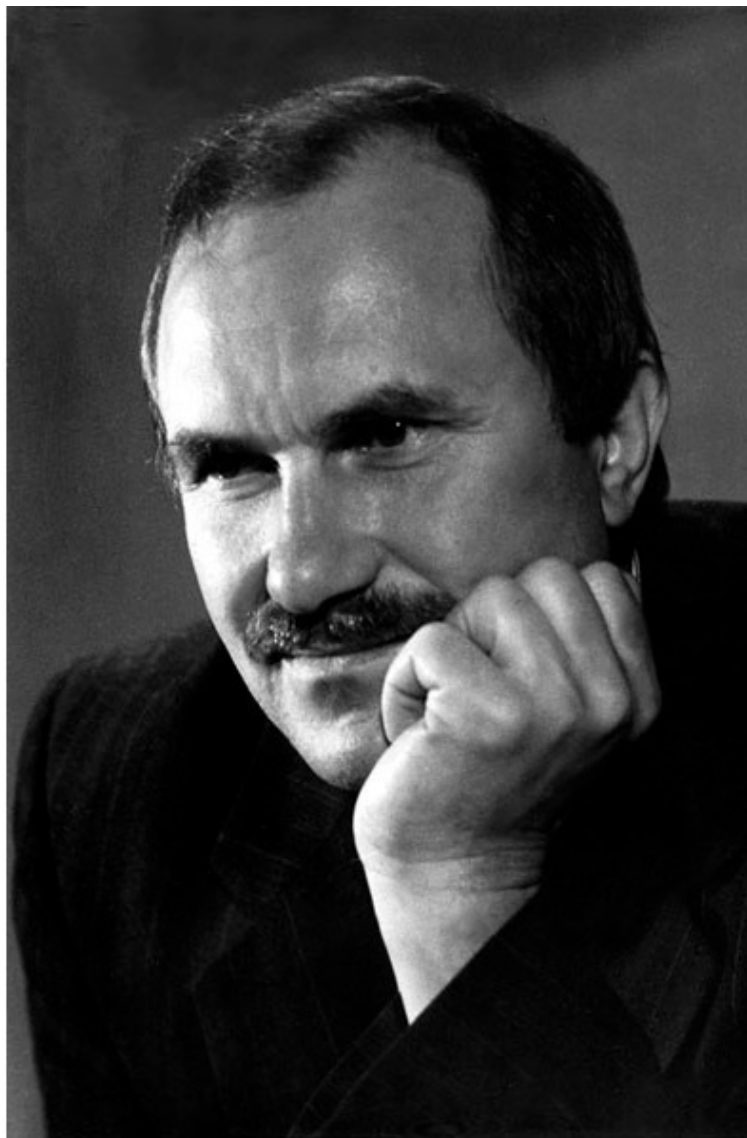
Моя тропинка
О писателях, о литературе, о кино,
о молодежи, о мифах и о себе
Петр Алешкин

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-4533-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия. Моя тропинка

В детстве я считал, что живых писателей нет – они либо на дуэлях погибли, либо покончили с собой, – и я буду единственным живым русским писателем. Бывает, когда в веселом застолье я говорю об этом новым знакомым и добавляю, что окончил школу при керосиновой лампе, что впервые в город попал, увидел двухэтажный дом и телевизор в семнадцать лет, все считают, что родился я в глухомани, в тайге. Нет, родился я в центре России, в Тамбовской области, через четыре года после окончания войны.

Не помню, с каких лет я стал видеть себя писателем, не понимаю, почему, как и откуда ко мне, сыну неграмотных крестьян, – мать совершенно не может читать и писать, а отец окончил два класса, – откуда ко мне пришла мечта о литературной славе. Совершенно не помню и не понимаю. Помню только: был уверен, что лет в двадцать буду знаменит на весь мир. Начал я писать не рассказ, не повесть и даже не роман, а трехтомную эпопею. Чего мелочиться! А было мне в ту пору лет девять-десять. Никто – ни в семье, ни друзья не знали о моей мечте, не догадывались, что я пишу. Просто прилежный мальчик усердно выполняет школьные уроки.

Первой мечтой моей были самолеты: хотелось стать военным летчиком, и я, естественно, разболтал об этом. Брат мой, – он старше на три года, – вышучивал меня, издевался, говорил: «Да, ты будешь летчиком, будешь не летать, а со стола куски хватать!» Это меня сильно обижало. В детстве я был маленького роста, слаб, отставал от сверстников физически и больше всего не переносил, когда надо мной смеялись. Поэтому никто в деревне не знал о моей мечте до тех пор, пока не вышла первая книга.

Помнится, в девятом классе я решил послать один из своих рассказов на конкурс в «Комсомольскую правду». После творческой неудачи с трехтомной эпопеей я перешел на рассказы. Запечатывал и подписывал конверт в интернате, где тогда жил, в большой комнате, и кто-то из одноклассников заметил, что на конверте я пишу адрес редакции, сказал ребятам, и они навалились на меня, пытаясь отнять письмо. Я вырвался, выскочил на улицу. Ребята за мной. Я влетел в женский туалет и бросил письмо в яму. Я страшно боялся, что моя мечта станет известна, и я буду посмешищем.

Я понимал, что писатель не только для меня, но и для моих односельчан существо сверхъестественное, небожитель. Естественно, как только узнают о моей мечте, мнение друзей и односельчан будет единым: у человека, который постоянно мельтешил среди них, как все косил траву, пас гусей, копался в огороде, а по вечерам гонял в клубе девок, и который, оказывается, хочет быть писателем, у такого человека не всё в порядке с головой.

В школе мне ни разу не пришла в голову мысль поступать в Литинститут или во ВГИК. Куда мне. Мой самый счастливый удел – Тамбовский пединститут, литфак. С первого захода туда я не прошел по конкурсу. В то время шла школы с одиннадцатилетки переводили на десятилетку. Сразу два класса выпустили. И конкурс в вузы в два раза увеличился.

Год проболтался в деревне. Писал, читал, мечтал. Из книг о писателях узнал, что для успешной литературной работы нужен богатый жизненный опыт, и по комсомольской путевке отправился строить газопровод «Средняя Азия – Центр», поехал за тем, чтобы набраться впечатлений, жизненного опыта.

В Тамбовский пединститут поступил только после службы в армии, поступил и уехал в Харьков, где, помытарствовав немного, оказался на тракторном заводе. Здесь, в Харькове, я встретил первого живого писателя, здесь началась моя литературная жизнь, здесь я увидел первые свои опубликованные вещи, первую книгу.

Помнится, в первые дни в Харькове я прочитал объявление на одном из ДК, что набираются слушатели в Народный университет культуры на литературный факультет, который ведет член Союза писателей Г. М. Гельфандбейн, прочитал и немедленно записался. Помнится, с каким трепетом ожидал я в небольшом зале ДК появления первого живого писателя, небожителя. Гельфандбейн оказался пожилым человеком, крупным, высоким, неторопливым, но очень энергичным и эмоциональным. Помню, как неторопливо входит он в зал, подходит к столу, выдвигает стул, но не садится, оглядывает приветливо нас, слушателей – старушек, девиц и меня. Смотрел я на него с обожанием, слушал с восторгом, не знаю, предчувствовал ли я тогда, какую роль сыграет в моей жизни Герш Менделеевич Гельфандбейн, Григорий Михайлович. После одного из занятий я шел к автобусной остановке вслед за Григорием Михайловичем, волнуясь, как подойти к нему? Как начать разговор? Не знаю, догадался ли он о моих мучениях, но приостановился и заговорил со мной. Вероятно, он давно приметил своего усердного слушателя, не пропустившего ни одного занятия. Я проводил его к остановке, признался, что пробую писать. Он сам попросил показать ему мои вещи. Я пообещал, но не принес, постеснялся. Перечитал дома, и показалось таким жалким все то, что я написал. Стыдно.

В те дни я уже работал сборщиком на тракторном заводе, жил в общежитии, и все свое свободное время проводил в читальном зале заводской библиотеки. Какая замечательная читалка была у завода! Богатейшая, многолюдная, с приветливыми, влюбленными в свое дело библиотекарями, и работала тогда аж до десяти часов вечера. Прямо из цеха, заканчивалась

смена в четыре часа дня, я шел в нее, читал, писал контрольные работы и рассказы. Первая моя книга написана там. Библиотекари, думается, быстро поняли, чем я дышу, и однажды одна из них сказала мне, что при читалке работает заводская литературная студия, и спросила – не желаю ли я пойти туда. Как вы понимаете, я желал да еще как желал! Она повела меня в комнату, где я увидел, кого вы думаете?.. Я увидел Гельфандбейна.

С этого дня для меня началась новая жизнь, та жизнь, о которой я мечтал в деревне Масловке. Не знаю, почему Григорий Михайлович сказал, когда началось занятие, что напрасно он не хотел идти на ХТЗ руководить студией. Он только что сменил другого руководителя. Потом Гельфандбейн повторит эти слова, когда я принесу на обсуждение свои стихи. Да-да, в студию я пришел со стихами. Не знаю, почему он так сказал, но мне, грешному и тщеславному, так хочется связать его слова с моим появлением в студии, где были тогда почти одни пенсионеры. Ирина Полякова появилась одновременно со мной и сразу влюбила в себя всех своими романтическими стихами. Было ей тогда, как и мне, девятнадцать лет.

Петр Алешкин и Григорий Михайлович Гельфандбейн

Григорий Михайлович был строг и безжалостен к нашим литературным текстам, не жалел и пенсионеров. Он часто повторял: литература – дело жестокое! Старики были обидчивы и, как все пишущие, легко ранимы. После разгромного разбора их стихов и романов больше не появлялись в студии. Не знаю, как бы я повел себя, если бы на первом же занятии мои стихи разгромили безжалостно, а они этого достойны, но встретили их доброжелательно, заинтересованно. Отметили и достоинства и, конечно, кучу недостатков.

Больше стихов я не приносил, но рассказы мои обсуждались два раза в месяц. Задумав рассказ, я делал заявку заранее, а потом, чтобы не обмануть руководителя и новых друзей, заставлял себя его написать. Вскоре меня избрали старостой студии.

Один за другим появлялись молодые ребята. Мы быстро становились друзьями. Одного раза в неделю на обсуждение наших стихов и рассказов нам, молодым и голодным, было мало, и мы образовали свой кружок, стали собираться на квартире Андрея Коновко, читать и разбирать свои произведения.

Мы часто выезжали в лес, позагорать на Донце или просто побродить, поговорить о литературе. О ней можно говорить бесконечно. Вместе отмечали праздники и дни рождения. Мы влюблялись и флиртовали в студии, находили здесь свое личное счастье. Поэты Ирина Полякова и Володя Глебов поженились, и Андрей Коновко встретил свою жену здесь. Теперь у них взрослые дети, счастливые семьи. Мы были друзьями, но как мы были безжалостны к неудачным рассказам друг друга, и как радовались удачам! Помнится, Славик Еремкин так разделал один из моих рассказов, критиковали его и другие, но он был особенно насмешлив и жесток, говорил такие слова, что я потом всю ночь не спал, лежал в лихорадке, всю ночь спорил про себя со Славиком, доказывал ему, что он не понял меня, что рассказ не так плох.

Вероятно, и после моих разборов некоторым моим друзьям тоже не спалось. Но тем не менее такая критика нас не разъединила: у меня после разгрома всегда было страстное желание написать сильную вещь, доказать, что рассказ, который разбили, моя временная неудача. Я писал, приносил, читал, слушал похвалу, с удовольствием писал другой, считал его удачным, думал – опять похвалят, но его разбивали так, что стыдно было находиться в студии. Многие из того, что я тогда написал, я никогда не включал в свои сборники, и лишь небольшую часть вставил в трехтомник.

И все мы были влюблены в Григория Михайловича, с трепетом ждали появления его в нашей комнате читального зала, каждый раз провожали после занятий до автобусной остановки, жадно впитывали его слова о литературе, о литературном труде, о своих вещах. А разбирать он умел наши рассказы и стихи мастерски, просто мастерски.

Уехав из Харькова, я посещал литстудии в Тамбове, в Зеленограде, в Москве. В частности, был старостой в одном из семинаров «Зеленой лампы» при журнале «Юность», который вели профессора Литинститута известные писатели Андрей Битов и Владимир Гусев, был несколько лет членом литобъединения при Московской писательской организации у Валерия Осипова и Леонида Жуховицкого, участвовал в V Московском и VIII Всесоюзном совещаниях молодых литераторов, где руководили семинарами самые славные писатели, но никто из них, никто не мог так умело, так точно, так доброжелательно и глубоко разбирать наши произведения, как Григорий Михайлович Гельфандбейн.

Учеба во ВГИКе на сценарном факультете, где мастерская та же литстудия, оставила в моей судьбе слабый след. А как я стремился во ВГИК! Думал, раз в Харькове так интересно, то что же в Москве! И был разочарован. В Москве важную роль в моей литературной судьбе сыграл писатель Эрнст Сафонов, этот большой, удивительно добрый, чуткий и не равнодушный к судьбе молодых литераторов человек. И главное, я не просил его о помощи! Он сам почувствовал, сам увидел, что нужно подставить свое большое плечо, поддержать, поделиться частичкой своей энергии, чтобы молодой неокрепший литератор уверенней зашагал дальше. Думается, что сам Эрнст Сафонов сейчас и не догадывается, какую роль он сыграл в моей жизни, как он помог мне, так это для него органично, просто и естественно помогать другим. Пока есть такие люди, русская литература будет жива.

А как литератор я сын литстудии ХТЗ. Впервые от Гельфандбейна я услышал имена Василия Шукшина, Валентина Распутина, Василия Белова, Виктора Астафьева и Виктора Лихоносова, благодаря Григорию Михайловичу я был очарован их повестями и рассказами, с нетерпением ожидал появления в читалке свежих журналов, искал в оглавлениях эти имена, если находил, тут же с наслаждением проглатывал.

Как я тогда много читал! Удивляюсь сейчас, как я мог всюду успевать, дни, что ли, были резиновые. Я работал в те года сначала слесарем-сборщиком на ХТЗ, а затем паркетчи-

ком на стройке; учился заочно в пединституте, окончил и сразу поступил снова на заочное во ВГИК; следил за журналами, не пропускал ни одну заметную вещь, читал книги мастеров прозы, много читал; писал свои вещи, как видите, не так уж и мало написано; был активнейшим комсомольцем в цехе, членом бюро, даже до такой глупости доходил – выпускал цеховую стенгазету раз в две недели и аж с литературным приложением, мне это было интересно; и я не был аскетом – любил кутнуть с ребятами, погулять с девчатами, и времени у сна никогда не отнимал. Где же я находил время?

Почему же сейчас, когда я столько же часов бываю на работе, так мало времени остается для жены, для друзей, для книг своих и чужих? Да, золотое было времечко! Я счастлив, что у меня была литстудия ХТЗ, счастлив, что встретил Григория Михайловича, писателя Андрея Коновко, рядом с которым я иду двадцать с лишним лет. Григорий Михайлович сейчас по-прежнему живёт в Харькове, а литстудией ХТЗ руководит Ирина Полякова.

А в те дни слава о делах литстудии ХТЗ покатила по Харькову, потом за ее пределы. Нас стали приглашать выступать на предприятия, в ДК, на радио, на телевидение. Подборки наших стихов и рассказов охотно печатали газеты, писали о работе студии. Литобъединения других городов желали встретиться с нами.

Литстудия ХТЗ

Наконец, услышали о нас и заинтересовались в отделе культуры ЦК компартии Украины. Однажды заведующий отделом культуры ЦК приехал по своим делам в Харьков и пожелал присутствовать на занятии нашей литстудии. Помнится, тогда я читал рассказ «Шутов палец». Завотделом то ли сделал вид, то ли, действительно, был в восторге от того, как прошло обсуждение, говорил, что он не ожидал встретить такое в заводской литстудии. Я обнаглел, выступил, как староста, сказал, в ответ на его слова, что для своих книг мы еще не созрели, а вот коллективный сборник прозы мы бы осилили. Завотделом пообещал поспособствовать и не обманул.

В планах харьковского издательства «Прапор» появился наш сборник «Солнечные зажинки» и года через три, в 1976 году, увидел свет. В нем была моя первая публикация –

повесть «Рачонок, Кондрашин и др.». С одной стороны – я был рад, я начал печататься, я есть, я существую, как литератор; с другой – мне было стыдно за слабенькую повесть. Не с такой вещью хотелось появиться на свет. Но другие не печатали.

К тому времени я уже написал рассказ «В тамбовской степи», назывался он тогда «Первая правда». Задумал я большой роман о Викторе Антошкине. Он у меня живет в рассказе «Шутов палец». А рассказ «В тамбовской степи» писался как начало романа. Эпиграфом к роману служили слова Шукшина: «О человеке нужно знать три правды: как он родился, как женился и как умер». «В тамбовской степи» я рассказал, как родился Виктор Антошкин, потому он и назывался вначале «Первая правда». Писал, писал я роман, чувствую, что не вытягиваю, и бросил, отложил. Потом решил из первых глав сделать рассказ, переписал и принес на обсуждение. Встретили его хорошо, кое за что покритиковали. Я доработал и понес в областную студию, которая работала при Харьковской писательской организации. Литстудия ХТЗ – это, как бы, школа, а областная литстудия – институт. Ее посещали кандидаты в члены Союза писателей, все самые одаренные и признанные молодые литераторы. Они теперь составляют костяк Харьковской писательской организации.

Помнится, после того, как я малость пообтерся в студии ХТЗ, наслушался об областной от новых друзей, и меня потянуло туда. Руководители наших студий были приятелями, и Гельфандбейн рассказывал Зельману Кацу о новом перспективном мальчишке, обо мне, поэтому, когда я робко заглянул туда и попросил прочитать свой рассказ, Кац согласился. Я читал рассказ «Осина», который позже включил в состав «Шутова пальца».

Сладостно вспоминать, что было после того, как я сошел с трибуны. Владимир Муровайко, украинский поэт, студент университета, ему было тогда, как и мне, двадцать лет, эмоциональный парень, вскочил, закричал с места: «К нам пришел талант!» Он еще что-то говорил восторженное на украинском языке, но я тогда плохо понимал украинский, понимал только, что рассказ ему понравился. Мне передали, что в перерыве одна молодая поэтесса сказала Кацу о рассказе, мол, это литературщина, а Кац ответил, что у него сердцевина живая. Я тогда, мальчишка, не понял, что ворвался в студию с триумфом, принял хвалебные слова как должное, мол, так и должно быть. Читал я там и другие вещи, но их разбивали безжалостно, особенно весело растоптали повестушку «Рачонок, Кондрашин и др.», справедливо растоптали. И я во второй раз ночь не спал, возражал ребятам. Это была вторая и последняя такая ночь.

Я стал привыкать к критике, а теперь к ней почти равнодушен, спокойно размышляю над критическими замечаниями. Если дельная критика, я ее непременно учитываю, перерабатываю.

Рассказ «В тамбовской степи» я принес в областную студию, когда уже прочно закрепился там, был комсоргом. Зельмана Каца сменил Микола Шаповал, и его вот-вот должен был сменить Виктор Тимченко, слепой поэт из Дергачей, удивительно энергичный и доброжелательный человек. Он у себя в Дергачах создал крепкую литстудию. За неделю до обсуждения я дал ему прочитать «Тамбовскую степь». Иду я по улице один на занятие, и за два квартала до писательской организации встречают меня Виктор Тимченко и Виктор Бойко, украинский поэт. Тимченко взволнован. Он хорошо относился ко мне. Когда он станет руководителем студии, меня изберут председателем бюро.

– Возвращайся немедленно назад, пока тебя не видели! – возбужденно сказал мне Тимченко.

– Почему? – остановился я ошарашенный.

– Ты молодой, ты не понимаешь, что ты написал! На тебе поставят крест! Тебе закроют путь в литературу! Уходи! Скажешь потом, что заболел. Уходи!

– Нет, я буду читать! – ответил я.

– Дурачок, ты многого не понимаешь. Вернись! Тебя растопчут.

– Ну и что... Я буду читать! – твердил я.

- Тебе жить. Смотри... Но я буду тебя критиковать, – сказал Тимченко.
- Хорошо, – согласился я. – Только вы выступите в конце обсуждения.
- Договорились.

Прочитал я рассказ, и началось. С тех пор прошло около двадцати лет, мне тогда было двадцать пять, и больше никогда, ни об одном из моих рассказов и романов не говорилось столько хороших слов. Я понимал, что на этот раз заслуженно, чувствовал, что от настоящей литературы рассказ отделяет всего один шаг. Но все говорили, что напечатать мне его удастся не скоро. Они оказались правы. Я послал его в «Новый мир» и получил хорошую рецензию Кондратовича с рекомендацией журналу – печатать (позже я узнал, что Кондратович был замом Твардовского).

Главным в «Новом мире» тогда был Наровчатов, но он вскоре умер. Пришел Карпов, и через два года рассказ мне вернули. Я перебрался в Москву и снова решил предложить его в журнал. Послал в «Наш современник».

Ходить по редакциям журналов и издательств я стеснялся. До сих пор чувствую неловкость, входя в комнаты отделов прозы. Мне кажется, что хозяева спросят, зачем я сюда приперся, и погонят. «Наш современник» откликнулся быстро, меня вызвали в редакцию. Фатима Бучнева встретила приветливо, удивилась, что я плотник и молод, сказала, что «Тамбовскую степь» они напечатать не могут, чтобы я показал другие рассказы. Пока я готовил другие рассказы, Бучнева ушла из журнала, а новых редакторов я не смог заинтересовать, хотя показывал всё, что писал.

Рассказ «В тамбовской степи» я напечатал только через четырнадцать лет. Три книги вышло у меня в разных издательствах, из всех выбрасывали. Тогда я схитрил, включил его в роман «Заросли», как, якобы, написанный одним из персонажей Петром Антошкиным. Я не могу сказать, что он влился в роман органично, но, во-первых, очень хотелось увидеть его опубликованным; во-вторых, в романе мне хотелось показать жизнь нашего общества как можно шире. И этой цели он служил.

А в те дни юности мне очень хотелось напечататься. Хоть и признан я был в областной студии, но не чувствовал себя там комфортно. Почти все ребята печатались, а у меня ни строчки. Тогда я стал искать, чтобы такое написать, чтобы и мне было интересно и напечатать можно. Все редакции охотно печатали о рабочем классе. А я сам был рабочим, с ХТЗ я ушел, был паркетчиком на стройке. И решил я описать один день из жизни бригады паркетчиков. Придумал сюжет и написал повестушку «Хочешь, я расскажу тебе сказку...».

В Харькове готовился сборник «Солнечные зажинки». «Тамбовскую степь» не хотели печатать, просили принести о рабочих. Закончил повесть я летом. Студии на каникулах. Сразу перепечатал и отдал в издательство. Там мне ответили: годится! Только сократим. Велика для сборника. Название изменим, назовем «Рачонок, Кондрашин и др.» Я обрадовался, тут же собрал свои рассказы, повесть, оформил в единую рукопись, в папку и по почте в Киев в издательство «Молодь».

Осень, занятия в студии. Несу повесть на обсуждение. На ХТЗ раскритиковали. Я решил – не поняли! Подправил явные ляпы, и в областную студию. Ох, и потоптались там на ней! Стыдно было, что послал в Киев. Как там теперь надо мной потешаются!.. Ответ с рецензией и с рукописью пришел быстро. Редактор Иван Кирий писал, что рукопись им подошла, что рассказы они печатать не будут, берут одну повесть. Нужно заменить название. Если я за один месяц смогу дописать ее, увеличить страниц на тридцать-сорок, то книга может выйти в следующем году. Я был ошарашен. Повесть я уже выбросил, поставил на ней крест. И вдруг такое! И как ее можно увеличить? Всё, что хотел, я уже написал. Как быть? Неделю мучился, еще неделю обдумывал разные варианты, две недели писал-перепечатывал. И точно в срок отправил повесть, назвав ее «Всё впереди».

Через полгода получил верстку, а через три месяца сигнальный экземпляр книги. В издательстве я ни разу не был, не знал, как оно выглядит. С редактором встречался только один раз, в Доме творчества в Ирпене, где проходила встреча двух студий – ХТЗ и киевского завода «Арсенал». Таких встреч студий было много. Книга «Всё впереди» вышла в рекордно короткий срок для молодого автора, ровно через год, как я отправил рукопись в издательство. Но повесть слаба, и в трехтомнике ее нет. Были на нее дежурные отклики, говорили и читали по радио, но говорили не о ее художественных достоинствах, а о том, что ее написал молодой паркетчик. Умалчивали о том, что этот паркетчик учится во втором институте. Но как бы эта повесть, на мой взгляд, ни была слаба, я до сих пор думаю, что правильно сделал, что опубликовал ее. С выходом книги родился новый литератор. Какой бы он ни был слабенький, а он есть, он существует, он подал голосок.

Конечно, если бы с такой книгой вышел в свет сын интеллигентов, всосавший культуру с молоком матери, я не понял бы его. Но так сложилось, что имя любимого моего писателя Бунина, имя Лескова услышал я и прочитал в восемнадцать лет.

Помнится, когда мне было уже за двадцать, я был оглушен тремя книгами, неделю после каждой под впечатлением прочитанного жил, не видел ничего вокруг. Это – «Братья Карамазовы», «Мастер и Маргарита» и «Один день Ивана Денисовича». Очень поздно я открывал для себя мир настоящей литературы. У каждого своя тропинка! Главное, чтобы привела она к настоящим произведениям, к настоящей литературе. Кто помнит сейчас о моей книге «Всё впереди», кроме меня и двух-трех друзей, и кто ответит – был бы этот трехтомник, если бы не было этой повести, этой книги?

Вторая книга рассказов «Там, где солнечные дни» выходила в Харькове, как и положено, долго, переносилась из плана в план. Вышла, когда меня уже не было в Харькове, когда я поработал в Тюмени на строительстве железной дороги «Сургут – Уренгой» и перебрался в Москву.

В судьбе третьей, вышедшей в Москве в издательстве «Современник», интересен один факт: когда в редакции по работе с молодыми мне вернули рукопись с отрицательной рецензией, я, выйдя из редакции, вынул рецензию из папки и тут же отдал рукопись в редакцию прозы, в соседнюю комнату. Там вначале брать не хотели: молод, не член Союза писателей, но, узнав, что у меня две книги, взяли. Рецензировали дважды. И оба рецензента хорошо отозвались о ней. Книга вышла без приключений. Думается, помогло то, что журналы начали меня печатать.

Произошло это неожиданно. Я, конечно, стучался в двери журналов, но мне их не открывали. Никто за мной не стоял, я не стремился искать покровителей, чтобы замолвили за меня словечко, могли протолкнуть рассказ – стыдно было. Я не принадлежал ни к каким литературным кланам: критики ни с той, ни с другой стороны не включали мое имя в обоймы – я считал, что пока не достоин, что те, кого включают, талантливее меня.

Вспомнил сейчас о том времени и подумал: нам уже всем за сорок, а где же произведения тех, кого включали в обоймы лет пятнадцать назад, где они? Нет, сами-то бывшие молодые писатели все живы и здоровы, я человек общительный, лично знаком почти с каждым, а книг нет. Желая одного: дай Бог им хороших книг! От этого русская литература только станет богаче.

Однажды получил я телеграмму из журнала «Знамя» с приглашением зайти в редакцию. Я тогда работал редактором в издательстве «Молодая гвардия», поступил я туда с улицы, по конкурсу, помогли уроки литстудии ХТЗ, где я научился неплохо разбирать произведения. Получил телеграмму и удивился. Я ничего не давал в журнал. Решил, что хотят пригласить меня на работу. Дело в том, что в издательстве я как-то сразу приобрел славу хорошего редактора, опять помогли уроки Гельфандбейна.

Через полтора года профсоюз издательства решил, что по итогам года я – лучший редактор в своей редакции. Меня стали зазывать на работу в журналы и издательства с повыше-

нием. Потому-то я и подумал, что «Знамя» предложит мне работу. Но я ошибся. Недавно я отнес рукопись очередной книги в издательство «Московский рабочий», и ее отдали на рецензию заведующей отделом прозы журнала «Знамя» Наталье Ивановой. Рукопись она одобрила, а одну повесть решила предложить в журнал. Для этого она и вызвала меня.

Повесть «В новом доме» была напечатана. Никто не знает, какое значение для моей литературной работы имела публикация этой повести в «Знамени». Я научился писать. И научили меня редакторы журнала. Нет, они не задавались такой целью. Они просто были добросовестными редакторами, черкали мою повесть вдоль и поперек, вначале редактор, потом Наталья Иванова. Они черкали, а я внимательно следил, что вычеркивают, не возражал. Видел, они правы, текст становится лучше. Никто еще не редактировал так мои вещи. Мне было стыдно перед ними, что я так плохо пишу, что они думают: какой я слабак! Вряд ли читала Наталья Иванова после этого хотя бы одну мою строчку, и вряд ли знает, что я больше не пишу так, как писал.

Повесть «В новом доме» стала первой частью романа «Заросли», вошедшего в первый том сочинений. Я понимаю, что «Заросли» – не лучшее, что я написал, лучшее, на мой взгляд, – это роман «Время великой скорби. Эпизоды из жизни тамбовской деревни». Написал я этот роман тогда, когда, порвав с «Молодой гвардией», оказался на вольных хлебах.

Эти полтора года оказались самыми плодотворными. Я дописал романы «Заросли» и «Трясина» и написал первую часть романа «Время великой скорби», написал и направил с оказией в «Континент» и в «Грани».

Владимир Максимов ответил, что будет печатать главы из романа, спросил, какие книги у меня вышли: он хочет познакомиться со мной поближе, посмотреть книги в парижской библиотеке. Я засмеялся: откуда мои книги в Париже, сказал, что вот-вот выйдет мой роман «Заросли», и я непременно пришлю ему. Мне было приятно, когда шло по телевидению первое интервью с Владимиром Максимовым и всё время, в кадре, на столе перед ним была моя книга «Заросли».

В издательстве «Столица» с Владимиром Максимовым

Вскоре я стал директором издательства «Столица» и хотел печатать в издательстве книги Владимира Максимова и журнал «Континент». Как горько, что не получилось ни того, ни дру-

гого! Об этом я уже рассказал в документальной повести «Предательство». А разные главы из романа были опубликованы одновременно в «Континенте» и «Гранях».

Я все время жаждал одного: научиться, научиться писать по-настоящему, чтобы тексты мои были художественными, чтобы читатели за моими книгами испытывали такие же чувства наслаждения, печали, счастья, какие вызывают у меня книги Бунина и Виктора Лихоносова. Мне хотелось знать, чего мне не хватает для этого, где искать, что делать? Я жаждал найти учителя, который откроет мне глаза. Я знал, что молодые ребята посылают свои вещи мастерам, но мне было стыдно за свои неуклюжие вещи. Но когда я уехал в Сибирь, в тайгу, остался без литературной среды, я рискнул, отправил рассказы Валентину Распутину и получил короткий вежливый отказ: завален рукописями, некогда читать. Я представил, как ему со всех сторон шлют рукописи такие же, как я, и если все читать и отвечать, то вряд ли у него останется время для своих книг, и не огорчился.

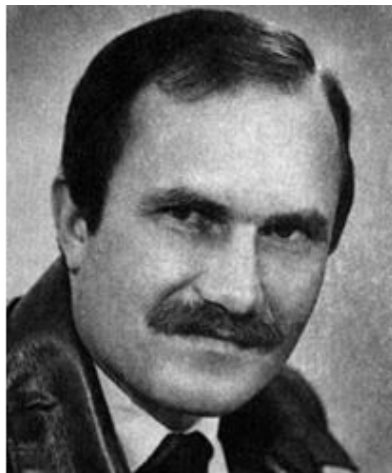
И всё же хотелось знать мнение мастера слова – на правильном ли я пути? Как мне работать дальше? Тогда мне было двадцать семь лет, и была у меня одна книга. Я снова рискнул, послал рассказы Виктору Астафьеву и удивительно быстро получил ответ. Буквально через две недели. Астафьев писал, что у меня есть нюх и слух, что литературная судьба моя только в моих руках, нужно работать, работать так, «чтоб зад трещал и шатало», когда поднимаешься из-за стола. Я был счастлив, окрылен поддержкой Астафьева. Я на правильном пути, а работать я любил, писать мог в любых условиях, научился отключаться, не слышать и не видеть, что происходит вокруг. Первую книгу написал в читальном зале, вторую – в Сибири в холодной комнате общежития, сидя на кровати в валенках, в телогрейке и в ватных брюках, зажав между ног тумбочку: стола не было.

Однажды я писал на тумбочке, а рядом со мной ребята, с которыми я жил в комнате, попойничествуя, затеяли избивать своего приятеля. Они не мешали мне писать, а я не мешал им учить приятеля быть справедливым. Они меня уважали. Кстати, я был рабочим во многих местах, все знали, что я пишу, скрыть трудно, и относились к этому моему занятию спокойно, никогда не пытались вышучивать меня, иронизировать. Третью книгу я написал, лежа в кровати на животе, подложив для удобства под грудь подушку. Жили мы с женой в крошечной комнатухе. Стол поставить негде. Помнится, однажды я писал лежа, а маленькая моя жена забралась мне на спину, свернулась клубком: слышу – уснула. Я писал, а она спала, согревая меня своим теплом, как котенок.

А киносценаристом из меня не получилось, хотя во ВГИКовском моем дипломе написано, что по специальности я киносценарист. Я писал киносценарии и заявки, носил их в киностудию, но всюду отказ, отказ, отказ. И вдруг – взяли. Я написал по повести Владимира Кучмича «Я – гонщик» заявку на сценарий спортивного фильма. Ею заинтересовался «Мосфильм». Нашелся режиссер. Пригласили меня на встречу с ним. Шел с трепетом. О том, как ведут себя режиссеры со сценаристами, ходили по ВГИКу разные истории. Рассказывали, как одна выпускница ВГИКа во время работы с режиссером, после каждой встречи с ним, одиннадцать раз! ложилась в больницу с нервным истощением. Мой режиссер тоже оказался жестким, уверенным в себе. Один фильм его получил Серебряного Льва на Международном кинофестивале в Венеции. Мы договорились писать сценарий вместе. Я пишу, он исправляет. Работаем пока по одному. Сделали первый вариант, представили на «Мосфильм». Обсудили его там, сделали замечания и вернули нам на доработку. Все шло по плану.

Дорабатывать решили вместе в Доме ветеранов кино в Матвеевском. «Как мы будем работать? – волновался я, вспоминая ту сценаристку, которая многократно ложилась в больницу. – Не придется ли и мне вызывать скорую!» Я не ошибся. В конце первого дня работы над сценарием, вечером, мне пришлось вызвать скорую помощь: у режиссера случился сердечный приступ. Дорабатывал сценарий я один. Доработал, представил на «Мосфильм» в срок. Там его приняли, выплатили деньги и запустили в производство. К тому времени режиссер оклемался.

Нужно было писать режиссерский сценарий. Мы договорились писать его вместе. На этот раз у режиссера случился инфаркт, а режиссерский сценарий писать я не умел. Там своя специфика: метры, кадры, секунды. Пока режиссер выздоравливал, фильм выбился из графика, и вылетел из плана. Так он и не появился на экране. После этого я еще раза два толкнулся в дверь киностудии и уступил дорогу другим. Не моё.

Мне сорок три года. Самый плодотворный возраст для прозаика. Кое-что я уже написал. Три тома перед вами. Я не подвожу сейчас даже предварительных итогов – ведь заложен всего лишь фундамент. Дом пока только в моем воображении: никто не видит, никто не знает, каким он будет. Не знаю этого и я. До воплощения его путь не близкий. Сколько изменений, сколько уточнений произойдет за годы строительства! А сколько работы! И радостной, и мучительной...

Или так: корабль построен, спущен на воду, корабль у причала. Пора в путь! Какая будет дорога, какие приключения ожидают меня в пути, покажет жизнь. Я надеюсь, что со мной всегда будет мой Ангел и Бог! В путь! В путь!

Москва. Сентябрь 1992 г.

О писателях

Мой Леонид Леонов

1. Знакомство

Леонид Леонов. Не знаю, не помню, когда я впервые услышал это имя. Скорее всего в школе. И впервые прочитал его произведения поздно, хотя читал в детстве много, очень много.

Помнится, в пединституте на экзамене по советской литературе мне достался билет с его знаменитым романом «Русский лес». Роман я не читал, но мне повезло: перед началом экзаменов возле аудитории мои однокурсники разговаривали об этом романе, и одна из них пересказала содержание. Я бойко и уверенно выплеснул перед профессором все то, что услышал. На вопрос профессора – «как я считаю, покончило собой Грацианский или нет?», – ответил с таким видом, будто об этом и спрашивать не надо, ответ очевиден. Из аудитории я выходил с очередным «отлично» в зачетке и с чувством облегчения – еще одно испытание позади, слава Богу, удалось выкрутиться. Кто такой Грацианский, и чего добивался Вихров, узнать не хотелось. Сразу за порогом аудитории я о них напрочь забыл. И если бы кто-нибудь сказал мне в то время, что ровно через двадцать лет автор «Русского леса» скажет мне, что после знакомства со мной жизнь его преобразилась, я бы, естественно, бросился читать его романы.

Позже, когда я уже закончил второй институт, ВГИК, и перебрался в Москву я прочитал почти все его романы. В то время все помыслы мои были связаны с литературой: только одно томило душу, только одно заботило, мучило – как научиться хорошо писать! Как научиться так соединять слова, чтобы то, что чувствую и вижу я в своем воображении, также ярко и сильно увидел и почувствовал читатель. Я читал книги с одной целью, чтобы понять, как писатель добивается того, что я не вижу слов, а вижу только то, что он описывает, живу в выдуманном им мире. Страстно хотелось научиться тому же.

В тот момент в руки мне попала книга о Леониде Леонове, изданная, вероятно, к его восьмидесятилетию. Я прочитал, с каким восхищением критики описывают его литературное мастерство, и засел за романы Леонова с той же мыслью: поучиться писать у великого мастера. Прочитал «Русский лес», «Вор», «Барсуки», «Соть» и сказал себе: Нет! Это не мой писатель. Я люблю ясность, легкий простой слог, энергичные фразы. Бунин, Чехов, Достоевский – вот с кем хотелось соперничать!

Леонид Леонов к этому времени отошел от активной литературной жизни, не выступал в печати, на съездах-пленумах, не публиковал новых произведений. О нем ничего не было слышно. Как живет? Чем живет? Никаких признаков жизни?

Помню, в конце мая 1989 года, как обычно, смотрел передачу «Время» по телевизору. Вдруг услышал, что Леониду Леонову 90 лет, и что Горбачев приехал к нему домой, поздравить. Вижу совершенно изможденного, худого старика, согбенного с невнятной речью, еле поднявшегося из кресла навстречу президенту.

– Не жалец, – с горечью и жалостью подумалось тогда. – Доживает последние дни!

Вспомнился Шолохов, его последние фотографии, где он был такой же изможденный, высохший. Я тогда издавал его публицистическую книгу «Земле нужны молодые руки», был редактором-составителем, но работал не с ним, а с его дочерью. Он был болен. И та книга оказалась его последней предсмертной книгой.

Дня через три после выхода сигнала Шолохов умер.

Осенью 1992 года в пестром зале ЦДЛ писатель Николай Дорошенко спросил у меня:

– Хочешь издать новый роман Леонида Леонова?

– Неси, – пошутил я.

Издательство «Голос» к тому времени прочно встало на ноги, приобрело известность среди писателей.

Дорошенко сидел напротив меня, как обычно, скручивая пальцами нитку из фильтра сигареты. Это было его любимым занятием. Крутил неторопливо, опустив свои мелиховские нос, усы, чуб к столу, задумчиво глядел, как вытягивается коричневая от никотина нить, и медленно говорил:

– Это не так просто... Он еще над ним работает. Никому в руки не дает... Давай, сходим к нему как-нибудь... Я позвоню, договорюсь...

Я вспомнил, как давным-давно слышал, что Леонид пишет новый роман. Даже читая отрывки в журнале, вспомнил, что называлась одна из опубликованных глав «Мироздание по Дымкову» что-то такое старческое, многоумное, понять трудно.

– Только имей в виду, – говорил Дорошенко, по-прежнему глядя как тянется коричневая нить, – это не легкое чтиво... Философия... Элитарная литература... Большим тиражом издавать нельзя.

– Посмотрим.

Николай Дорошенко

Мы условились, что Дорошенко позвонит Леонову, договорится о встрече и скажет мне, когда он нас примет.

Жил Леонид Леонов на улице Герцена, неподалеку от ЦДЛ, где мы встретились с Дорошенко. По дороге к дому Леонова, Коля снова говорил мне, что роман сложный, не допи-сан еще, но издать его большая честь, все-таки Леонид Леонов. Я молчал, волновался: сейчас увижу живого классика, буду разговаривать с ним. Я представлял его таким, каким видел два с половиной года назад с Горбачевым.

Леонид Леонов открыл нам дверь сам, открыл, глянул на меня острым глазом, другой, прищуренный, как бы спрятався глубоко в глазнице, за веками, под белой жесткой бровью, и было впечатление, что оттуда он хитренько и постоянно изучает, оценивает тебя, протянул худую теплую руку для пожатия и хрипло сказал:

– Проходите, проходите.

Леонид Леонов

Он довольно энергично двинулся впереди нас по коридору в свой кабинет.

Там я увидел Бориса Стукалина, бывшего министра печати. Я знал, что Леонов пригласил его, чтобы он присутствовал при разговоре со мной, издателем, знал, что Леонид Максимович дружил с ним издавна, доверял ему, и понимал, что Стукалин должен следить за тем, чтобы я не обманул Леонова, когда мы будем обговаривать условия договора. Они знали, что я буду вести разговор и о переиздании романа «Вор». С Борисом Стукалиным я был немного знаком. Он мой земляк, тамбовский, школу заканчивал в Уварове в нашем райцентре. Правда, было это задолго до моего рождения.

Кабинет Леонова был довольно большой, с балконом. Письменный стол высокий, весь завален листами бумаги, уставлен книгами; книжные шкафы всюду; кровать, отгороженная шкафом. Видимо, он здесь же спал.

У Леонида Леонова

Леонид Леонов притащил из дальнего угла комнаты одно за другим два деревянных старинных кресла, не поднимая, а двигая ножками по дубовому паркету, установил их напротив своего мягкого зеленого кресла, стоявшего у стены рядом с журнальным столиком с лампой и старым портативным радиоприемником, сел в свое низкое продавленное от частого долгого пользования кресло, выставил вверх острые худые колени, взял со столика, из-под горевшей лампы маленькие ножницы и глянул на меня прежним острым взглядом. Я пока не знал, что он совсем плохо видит.

– Вы знакомы с Борисом Ивановичем? – спросил он.

– Даже земляки. Тамбовские...

– Вот как? – удивился он. – Это хорошо.

– Леонид Максимович, я привез вам свои книги, – щелкнул я замками кейса и протянул ему только что вышедшие тома своих сочинений.

Леонов взял книги, погладил их пальцами, поласкал, подержал в руке, не открывая, одобрил:

– Хорошо издали! – и отложил на столик. – О чем Вы пишете?

Для меня это самый трудный вопрос. Обычно я отвечаю, как ответил ему:

– О жизни... О том, что сейчас происходит. Правда, во втором томе роман для меня исторический, начало двадцатых, восстание Антонова на Тамбовщине. Писал по архивным документам. Раньше их скрывали от писателей.

– Да, да, Антонов, Тухачевский... Страшное время было, страшное,.. помню, помню...

Я рассматривал его лицо с неподвижной от паралича одной стороной. Сухие бескровные щеки, редкие изжелта-седые волосы зачесанные назад, казалось, что от старости они стали зеленеть. Говорил он тихо, хрипло, невнятно, одним краешком рта, и все время вертел в руке ножницы, играл ими. Я напрягался, чтобы понять, что говорит он. Завели разговор о его романе. Оказалось, что название у него «Пирамида», а не «Мироздание по Дымкову», как я считал.

– Рано его публиковать, рано, – сразу заявил Леонов. – Работы много, целые главы писать надо, куски вставлять, сшивать... Может, и не допишу, уйду туда.

Но заключить договор с издательством «Голос» он был готов. Только непременно нужно было указать в договоре, что он имеет право работать над текстом столько, сколько потребуется, а самое главное, что издательство ежемесячно будет платить зарплату редактору романа Ольге Александровне Овчаренко, которой он чуть ли не ежедневно диктовал вставки, куски романа и целые главы. Сам он уже писать не мог, не видел. Эти условия были приемлемы для нас. Очень долго обсуждали, как печатать. Леонов сомневался, что доделает роман, и предлагал печатать так: там, где глава не дописана, курсивом, от имени редактора делать вставки, мол, здесь автор не дописал, но хотел он сказать то-то и то-то, тут с героями должно произойти то-то и то-то. Из разговора я решил, что роман написан отдельными главами, которые нужно пополнять и пополнять, чтобы повествование стало стройным, последовательным.

– Идемте, я покажу вам роман, – сказал мне Леонов. Мы все четверо направились в дружную комнату, где на столе лежали стопкой, возвышались чуть ли не на полметра пять толстенных папок.

– Вот, – указал на них Леонов. – Сорок лет писал. Он взял верхнюю, развязал, открыл. Первый лист весь был склеен из кусочков бумаги с напечатанными разными шрифтами строчками.

– Только один экземпляр... Если хотите почитать, приходите ко мне и читайте. С собой не дам.

То же самое он предложил и Стукалину с Дорошенко. Оказывается, они тоже не читали роман.

– А если ксерокопировать его? – спросил я.

– Можно... но только с собой не дам.

– Мы можем сюда ксерокс принести и снять копию. – У нас в издательстве был маленький ксерокс.

– Мне сказали, его нужно две недели ксерокопировать, а как же я работать буду, шум. Нет нельзя...

Я был в недоумении: как же почитать роман, посмотреть, что мы будем печатать? В тот вечер так мы этот вопрос и не решили. Договорились, что мы со Стукалиным подготовим договора на издание «Пирамиды» и «Вора» и приедем к Леонову подписывать.

С изданием «Вора» была маленькая проблема. У Леонова был договор с издательством «Современник», там даже набрали его, но не печатали, нет средств. Стукалин обещал позвонить директору издательства и спросить, не будет ли он возражать, если роман напечатает другое издательство. Я просил Борис Ивановича ни в коем случае не говорить, что печатать собирается «Голос». Я знал, как только он назовет нас, «Современник» скажет, что сами напечатают. И действительно напечатает. Было уже такое.

Я предложил Валентину Распутину издать трехтомник его сочинений. Только что мы выпустили сборник его повестей. Распутин был не против, но сказал, что о моем предложении поговорит в издательстве «Молодая гвардия», так как он давний автор этого издательства, и ему неудобно без их ведома печатать собрание сочинений в другом месте. Если «Молодая гвардия» не собирается выпускать его сочинения, то Распутин готов сотрудничать с нами. Как после он рассказывал мне, в «Молодой гвардии», конечно, не планировали издавать трехтомник, но как только узнали, что Алешкин желает это сделать, тут же изъявили готовность заключить с ним договор. И выпустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.